

У Преподобного

Воспоминания выпускника Семинарии 50-х годов

*Семинарские годы были
самые счастливые, самые-самые...
Семинария все дала и всю жизнь изменила...*

Примерно в 1946 году, когда мне было девять лет, у моей крестной появился жилец Сережа Музыченко, студент медвуза, который готовился к поступлению в Духовную семинарию. Позднее я узнал, что его дед был епископом, а отец — дьяконом. Этот Сережа меня зацепил... за самое живое, попал своей верой в самое сердце. Я смотрел на него во все глаза: студент, молодой и... верующий. Бывало зайду к нему и вижу: лежит на кровати, книгу читает «На запросы духа». Словарей у него много было, стихи он любил. У меня сохранилась его тетрабочка с эпиграфом «Здесь все, что выстрадал в ночной тиши, здесь перлы лучшие со дна моей души». Мне он говорил: «В школе занимайся, школа нужна, но сам читай побольше, самообразовывайся, запишись в Государственную библиотеку (не хочется мне полностью писать это название)». Я записался и очень удивился, когда увидел там в общем зале на открытых полках энциклопедию Брокгауза и Эфрона. И просто сел и выписывал в тетрадь все, что находил о вере, Церкви и Боге. Занимался я, двоечник и балбес, в огромном зале среди очень умных людей. Читал не только энциклопедии, а и словари: иностранных слов, латинских изречений. Этого мне вполне хватало, к тому же религиозную литературу тогда получить было очень трудно, нужно было иметь какое-то специальное разрешение. Мне, например, не выдали даже «Журнал Московской Патриархии», спросили, для каких целей он мне нужен. Так я «самообразовывался»...

Мама как-то попросила Сережу написать «Верую», и он очень грамотно и красиво написал Символ веры на листочке, который у нас долго хранился. Однажды я увидел у него «Правила для поступления в Московскую Духовную Семинарию», отпечатанные на папиросной бумаге. Что-то во мне произошло: а что если и мне попробовать поступить? Я понимал, какая пропасть была

между Сережей и мной: он был образованный парень, а я недоучка какой-то. Я и в школе учился плохо, и был какой-то замкнутый, стеснительный очень. Прочитал я эти «Правила», а там написано, что надо знать какие-то начальные молитвы, хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски. Переписал я с Сережиного молитвенника тексты молитв, а у дяди Коли попросил требник и стал учиться читать по-славянски. Требник был дореволюционный, с молитвами об императорской фамилии: «Еще молимся о Государе нашем императоре Николае Александровиче и всем царствующем доме». От такой молитвы теплее становилось на душе и верилось, что не все потеряно для России, что Царь-батюшка вызволит нас из советской бездны. Я штурмовал требник с карандашом, а если слово мне было непонятно (я тогда ничего не знал о титлах), то я его карандашом обводил и долго думал над ним, пока оно мне не открывалось. Учил молитвы наизусть: утренние, вечерние, псалмы, заповеди блаженства, десять заповедей; ходил, зубрил и боялся, что спросят вразбивку, так как я учил все молитвы подряд.

Я чувствовал, как постепенно отделялся от своих сверстников, вырастал и отходил от них. Двор с ребятами ушел на второй план, меня не понимали: в храм почти никто из них не ходил. А я тихонечко-тихонечко подбирался к Семинарии, уже почувствовал в себе какое-то новое течение, из которого не хотелось выходить. Душой я был уже в стенах Семинарии, куда стремился, «как олень на источники водные». Мама радовалась детской радостью: ее сын вон что задумал, вон куда замахнулся... — и молилась, молилась. Ей, наверное, просто не верилось: я рос без папы, она была всего лишь уборщицей, бабушка крестиком расписывалась. Семинария в нашей семье казалась какой-то недосягаемой высотой. Что мама передумала в те годы — никто не знает, но, видно, молилась и просила Бога о помощи. Я и сам мало верил в успех: способностями не отличался, одно только во мне было — тяга к духовному чтению, которое меня

¹ В настоящее время служит в храме Архангела Гавриила (Антиохийское подворье) в Москве.

заглатывало, захлестывало так, что я не мог оторваться и постепенно чувствовал, что становился другим. Очень боялся, что не поступлю в Семинарию, не знал, как буду жить дальше в жизни, где меня больше никакая профессия не устраивала. Меня потянуло к Церкви так, что не оторвешь, а потом, позднее — и к людям, которые за эту Церковь голову были готовы положить.

Времена-то были не теперешние, много преград, насмешек и страха находилось на пути к священству. Семинария тогда стояла «за семью печатями», настрой в обществе был враждебный Богу. Нужно было обладать либо феноменальными способностями, либо очень сильной верой для того, чтобы выскользнуть из атеистического пекла, пройти сквозь все препятствия и препоны. Человек тогда проверялся верой и храмом. Верить в Бога, ходишь в храм — значит неблагонадежен по отношению к советской власти, и везде тебе будут ставить препоны. Священнического пути я тогда не понимал, знал только, что это и тюрьмой могло грозить, и даже чем-то похуже. Работа против верующих велась на всех уровнях, но мы с мамой все равно решили, что я поеду поступать в Семинарию, так сильно была в нас вера в Бога и в Его заступничество.

Мы иногда приезжали в Лавру помолиться преподобному Сергию. Однажды мы сидели на скамейке в Лавре, к нам подошел паренек и спросил:

— Вы не знаете, как пройти в канцелярию?

— А зачем тебе?

— А взять «Правила для поступающих в Духовную Семинарию».

Я тоже решил пойти с ним: вдруг что-то в правилах изменилось? Паренек оказался из Тушина, с Трикотажки, это был будущий священник Вячеслав Юхновский. Он жил тогда с мамой, которая запрещала ему ходить в церковь, но он в тайне от нее ездил в храм на Сокол, где прислуживал у отца Михаила Голунова. Слава стал к нам ездить в Хамовники в гости и на акафист к «Споручнице», где он стоял у самой иконы и следил за порядком, так как давка была ужасная. В день похорон моей бабушки Слава нес ее гроб до самой могилы. Мы ему и сообщить не успели о смерти бабушки, а он сам приехал. «Никак себя найти не мог, — говорит, — прямо голос какой-то шепчет, что надо ехать к Славе в Хамовники».

Печально, что бабушка не дождала до моего поступления в Семинарию, но ушла она в вечность, зная, что я решил стать священником, и хоронили ее два будущих священника: два Славы.

Семинария грезилась мне, притягивала, как магнит. Собирал документы: справку о крещении заверяли в домоуправлении; соседи и крестная заверяли, что я крещеный, а домоуправ подписывал и ставил печать. Несколько лет в школе я тяжело болел, но перед поступлением болезнь легких отступила: рентген соврал. Господь на минуточку болезнь отвел в сторону, и она отошла, а что ей оставалась делать, против Господа-то она бессильна. В справке было написано: «Такой-то, поступающий в Духовную Семинарию, здоров». Затем я получил

рекомендацию отца Павла Лепехина, приложил к ней аттестат с тройками и поехал в Лавру...

В Семинарию мы приехали поступать со Славой Юхновским. Вспоминаю длинный коридор на первом этаже и проходную комнату, в которой нас поселили. Начали сдавать экзамены... Был там в то время воспитатель Анатолий Петрович Горбачев — высокий, солидный, полный. И вот как-то Слава решил с кем-то пошутить и замахнулся подушкой, а воспитатель тут как тут: «Ваша фамилия?» И Славу попросили удалиться из Семинарии. Я очень переживал: ведь вместе приехали и как-то уже сроднились.

Вступительные экзамены проходили с первого по десятое сентября. Я все молился Преподобному: стою на коленочках, лбом в пол и голову поднять боюсь: «Преподобный отче Сергие, возьми меня в число твоих учеников!»

Большой зал на третьем этаже, а у дверей толпа в сто двадцать человек, из которых примут только сорок. Вызывают по одному, захожу, крещусь, передо мной длинный стол, за ним преподаватели, профессора, ректор. Спрашивают, откуда я, с кем живу, дают славянский текст, справляюсь с волнением и читаю... Остановили: «А вы что же ударения не смотрите?» По правде говоря, я на ударения никакого внимания не обращал, когда готовился.

Вскоре после поступления в Семинарию

- Сколько классов окончили?
- Семь классов.
- А что же у вас одни тройки?
- Почему же, там есть и четверка.
- Но это ведь по истории.
- А здесь как раз история и нужна.
- Все рассмеялись.
- А кто вам давал рекомендацию?

Я замешкался, потому что не знал фамилии отца Павла, настоятеля Хамовнического храма, который рекомендовал меня для поступления. Но кто-то из комиссии опередил меня:

- Отец Павел Лепехин.
- Отец Павел Лепехин?!

Что-то очень уважительное и почтительное прозвучало в этом невольном вырвавшемся возгласе, и я как-то сразу понял, что меня примут несмотря на то, как я сдам экзамены. (Позднее я узнал, что отец Павел был в очень хороших отношениях с Патриархом Алексием I и пользовался большим уважением среди священников).

А потом было пение, старичок нажимал на клавиши: «Ну давайте: «До-о-о-о, с-о-о-оль», «Царю Небесный». Я так и не понял, понравился я ему или нет. Изложение я вроде написал хорошо. Читал я много и писал грамотно.

Затем была медицинская комиссия, которой я боялся пуще всего, и не только я. Помню, как один из поступающих (сейчас известный протоиерей), вышел в коридор, вырвал из военного билета листок с «сердечной статьей», которая могла ему помешать поступить в Семинарию, попросил другой лист с «проходным» диагнозом, вставил и... закончил не только Семинарию, но и Академию.

После экзаменов нас собрали в большой аудитории на третьем этаже: вошел преподаватель, мы встали. Я стою у последнего столика, со мной рядом Витя Волков из Владивостока. Зачитывают: «Ведерников, Винокуров... **ВИННИКОВ!**» Меня будто стрелой пронзило: принят, принят! И сразу как-то легко стало, слышу: «Волков», и жму Витину руку, впился в нее, а он стоит, улыбается. Шум поднялся, все загалдели, одни домой собираются, другие — к Преподобному, я в их числе...

Мама тем временем во дворе стояла, увидела троих ребят и спрашивает:

— Вы не скажите, Винников Слава, такой высокий, худой, принят?

Один говорит:

— Нет, не принят.

А другой:

— Да что ты ерунду говоришь? Длинный такой, худощавый? Конечно, принят. Вы идите, его там позовут.

Я ни с чем в жизни никогда не мог сравнить мое поступление и пребывание в Семинарии. И как только я сподобился такого чуда? Оказаться в святом месте, в Лавре, в Духовной школе, — я, подвальный Славка, худющий и длинный, учившийся в «школе дураков», не умеющий решать простые задачки! Хотелось целовать эти стены, трогать их руками и верить, что это не сон — я принят! Я все это расценивал как чудо: учился, спал,

ходил по дорожкам и... не верил: неужели это со мной случилось, и я у Преподобного? В Семинарии был особый воздух, здесь все отличалось от безбожного мира. Держу в руках небольшие тетрадные листочки, письма, что я писал из Семинарии маме, и вспоминаю...

Многие из знакомых и соседей не поняли и не приняли моего выбора. Кто за дурака меня считал, кто за врага. Раз в Церкви — значит против советской власти. В доме, когда узнали, что я поступил в Семинарию, то спрашивали маму: «Ленка, да ты что, зачем ты его туда отдала?» Ребятам это тоже было непонятно, и они на меня смотрели с каким-то удивлением, насмешкой или с жалостью. Был, мол, Славка, с которым бегали и играли, и вдруг... — «поп», хотя до попа было еще очень далеко. Почему-то все сразу решили, что у меня теперь много денег, а я получал стипендию 13 рублей, только на карманные расходы, потому что находился на полном семинарском обеспечении. И стали у меня занимать деньги: дай рубль, дай рубль с полтиной, в основном, это на «четвертинку», и почти никогда не отдавали. Наконец, мне это надоело, и я перестал давать, стал объяснять, что денег у меня нет, что стипендия очень маленькая... Кое-как отвертелся. Многие, наверное, думали, что я из-за денег пошел в Семинарию учиться, а у меня часто не было денег на электричку, чтобы добраться до Семинарии или съездить домой. По тем временам билет стоил 53 копейки, а штраф был три рубля. Сидишь, бывало, и высматриваешь контролера, видишь, что идет, вскакиваешь и бежишь в другой вагон, на следующей остановке выскакиваешь и бежишь в тот вагон, который он уже проверил. Бывало, и попадался, да не один, а с другими семинаристами. Соберет контролер нас всех в тамбур: давайте, говорит, собирайте три рубля, и после этого отпускал. Немного стыдно нам было, что мы, семинаристы, (нашу одежду все на этой дороге знали) едем без билета, но делать было нечего.

В Лавру на нас приезжали смотреть из-за забора, как в зоопарк на каких-то невиданных зверей. Вечером из Лавры старались не выходить: местные загорские могли избить. Да только ничто не могло омрачить моей радости: я семинарист, я семинарист, и мама была на седьмом небе от счастья.

После зачисления в Семинарию был отслужен молебен у Преподобного Сергия, мы все счастливые гуськом шли его благодарить. Отныне каждое утро я просыпался в чертогах Елизаветы Петровны, а мыслями уже бежал к Преподобному. Одеваюсь и — скорее к нему, на молитву и под благословение. А у Преподобного тишина, в благодатном полумраке свечи горят, у изголовья святых мощей батюшка стоит, хор поет... Мама часами тут простаивала, и я всегда удивлялся, откуда она силы брала: маленькая, худенькая, слабенькая, а какая в ней духовная сила. Она умела все преодолеть, и длинные службы, и дальние поездки, только бы доехать туда, куда душа зовет, и помолиться. Особенно она любила молиться у Преподобного.

День в Семинарии и Академии начинался с молитвы у Преподобного, у которого все просили благословение

на предстоящий день. Потом был завтрак, утренние занятия, обед, вечерние занятия, вечерние молитвы в академическом храме, оставалось время для прогулок в академическом садике и для сна. Перед едой читали «Отче наш», а после — «Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ, не лиши нас и небесного Твоего Царствия...» Эти слова молитвы всегда кто-нибудь обыгрывал: «Ишь, чего захотел, чтобы и здесь чрево напитать, набить, и Царствие Божие получить?!»

После зачисления нас повели на склад в подвал, где каждый должен был выбрать для себя китель и брюки из того, что осталось от прежних семинаристов. Я долго не мог выбрать китель, так как был худощавым, а выглядеть хотел солидным, с широкими плечами. Помню, что под китель я поддевал свитер, и все равно он был мне великоват. А брюки все были блестящие от долгого сидения их прежних владельцев, но все равно мы радовались форме, я ее и гладил, и нюхал, только что не целовал. О новой форме даже и мысли не было: эта была родной, своей. Для меня все в Лавре было свято, я перед всем благоговел: стены, коридоры, лестницы, конспекты, парты, стулья — все было се-ми-нар-ско-е, и все было связано со святым именем Сергия. Все было освящено Преподобным: он незримо жил среди нас, сидел с нами на занятиях, обедал в столовой, гулял по лаврским аллеям, был в храме в алтаре, не оставлял нас и когда мы уезжали в Москву. Весь воздух был пропитан им, и в этом

воздухе всегда жила молитва, которая раздавалась во время молебна на лаврской площади: «Преподобне отче наш Сергие, моли Бога о нас!». Я как только вспомню Лавру, сразу становлюсь другим — молоденьким мальчишкой в семинарской форме, бегущим утром к его мощам за благословением на предстоящий день. А он взял и благословил меня на всю дальнейшую жизнь, на служение в Церкви, вот почему он мне так дорог, мой родной преподобный Сергий!

* * *

Утренние занятия были с переменами и чем-то напоминали школу. Преподавали нам даже советскую конституцию. Преподавателя, профессора Ивана Никитича Щабатина как-то спросили: «А кто делал революцию?» Он почесал в затылке и изрек: «Тюха, Матюха, да Колупай с братом», — всех рассмешил. Позднее, работая в Издательском отделе Патриархии, я побывал у Ивана Никитича дома и увидел на столе пишущую машинку и... бюст Ленина(?!). Знали, видно, кому поручать преподавать будущим священникам «великую сталинскую конституцию».

Любимым преподавателем у меня, как и у многих, был отец Тихон Агриков, тихий, спокойный и всегда как бы чего-то смущающийся. Он преподавал Священную Историю Ветхого Завета. Перед занятиями он обратился к нам с таким словом: «Всегда помните этот день, когда вы вступили в Духовную школу, и старайтесь это чувство и настроение сохранить на все время учебы». Он очень любил служить и в течение тридцати лет каждый день совершал литургию. Как-то раз я стал невольным свидетелем того, как на улице отца Тихона окружили нищие, похоже, поджидавшие его: не глядя, он вынимал из кармана рясы пятидесятирублевые купюры и одаривал просящих. Но, видно, своим нестяжанием, своей духовностью он кому-то не понравился, и его вскоре убрали из Семинарии и из Лавры. Кампания против отца Тихона была инсценирована: когда он по пути в монашеский корпус поравнялся со сторожкой, на него бросилась какая-то женщина, из этого раздули историю, и отца Тихона уволили. Потом он ушел в затвор в одном из монастырей на Кавказе и написал книгу воспоминаний. Долго о нем ничего не было слышно, а в 2000 году я узнал, что он служил всеобщую в селе Тайнинском под Москвой, произнес: «Слава тебе, показавшему нам Свет!» — и тихо отошел ко Господу. Праведная жизнь — праведная и кончина. А незадолго до этого он принял схиму и ушел от нас схиархимандритом Пантелеимоном.

Латынь нам преподавал Лебедев, которого за глаза звали Amicus. Как-то я решил подшутить над моим товарищем Юрой Рзяниным (который был из Моршанска, и на вопрос, чем Моршанск отличается от Москвы, всегда отвечал: «Там фонари пониже и асфальт пожиже») и посоветовал ему: «Будешь здороваться с преподавателем латыни, приветствуй его словами «quo vadis». Он так и сделал, а Amicus ему в ответ: «Куда хочу, туда и иду». «Quo Vadis» — это название романа Сенкевича «Камо грядеши» («куда идешь»), которым мы тогда в Семинарии зачитывались.

«В Семинарии был особый воздух, здесь все отличалось от мира»

Крестный ход на Пасху в послевоенной Семинарии

На соседней койке в Семинарии спал Всеволод Ермаков, добродушный парень, с простой и глубокой верой. Учеба ему не давалась, он добродушно улыбался и говорил: «Учеба — это не по мне, ничего у меня не получается». Как-то ему прислали запеченную курицу, он ее достал и говорит: «Угощайтесь, ребята». Ну, мы и «угостились», да так, что ему ничего, даже косточки не досталось. Он только улыбнулся в ответ. Потом он исчез из Семинарии, а объявился несколько лет спустя в Издательском отделе, где я работал. Открывается дверь, и заходит Всеволод, в подряснике, в сапогах, мы сразу друг друга узнали:

— Всеволод, где же ты теперь?

— А я на Кавказе, живу в горах у отшельника Н... приехал хлопотать за свою сестру, чтобы ее в монастырь взяли. Владыка Питирим меня знает, может, поможет.

Вот он и нашел себя в монашестве.

Другой мой товарищ по Семинарии Витя Волков из Владивостока, с края земли, в армии был поваром и очень хорошо умел жарить картошку. Мы быстро подружались, он стал приезжать к нам в подвал, а с его легкой руки к нам стали приезжать духовные лица из Сибири: епископ Омский и Тюменский Венедикт (Пляскин), протодьякон Арсений Дядю, протодьякон Борис Бухтатов, Архиепископ Вениамин (Новицкий), преподаватель

Семинарии Анатолий Просвирнин, секретарь епархиального омского управления, с сестрами.

В Семинарии я подружился с Дмитрием Дудко. Он был очень милый, с востреньким носиком, как старец Зосима у Достоевского, небольшого роста, но с большой лысиной, быстро-быстро говорящий, умный, начитанный, хорошо знавший литературу, смешливый, понимающий юмор, очень интересный собеседник. Не знаю, каким я, тогда 18-летний юнец, казался ему, уже тогда отсидевшему семь лет за веру. Его взяли с первого курса академии. Что-то, видно, сказал неподобающее о власть предержащих, а на него «стукнули». Вечерами мы ходили с ним по дорожкам академического садика и разговаривали. Я был его постоянным собеседником, очень привык к нему и видел, что некоторые его побаивались: судимый студент, лучше, мол, держаться от него подальше. Хорошие то были вечерние прогулки, мама называла нас Пат и Паташон: один длинный и худой, а другой маленький, лысый и — очень умный. Дима много говорил о Достоевском, о Владимире Соловьеве; я тогда ни «Братьев Карамазовых», ни «Бесов», ни «Краткой повести об Антихристе» еще не читал, а потому говорил Дима, а я только слушал. Как-то он сказал: «На улице Горького появился двухтомник Достоевского «Братья Карамазовы», не пожалей денег и купи». Этот двухтомник и сейчас у меня на книжной полке стоит; я этих «Братьев Карамазовых», наверное, раз десять прочитал, столько же — «Бесов», но больше всего «Преступление и наказание».

В Семинарию я поступил со школьной скамьи. До поступления я, конечно, знал, что Церковь гонима, но только за годы учения в Семинарии я осознал, насколько Церковь пронизана безбожной властью и разрушаема ею изнутри. Открыто на эту тему в Семинарии говорить было нельзя, я делился в основном с Дмитрием Дудко. Я его видел в ореоле мученика и совсем не боялся откровенничать с ним: все наши разговоры на вечерних прогулках в академическом садике (если к нам никто не подходил) были о положении в Церкви, о пришествии Антихриста. Я скоро понял, что как среди преподавателей, так и среди студентов были «стукачи». Любое неосторожное слово могло привести к непредсказуемым последствиям.

Как-то на Рождество в чертогах Академии был вечер: звали выступления, церковные песнопения. Вдруг Дима мне говорит: «А я им прочту «Прозаседавших» Маяковского». Это был его намек на то, что в Академии тоже было много болтовни и пустых разговоров. Он вышел и звенящим голосом, каким-то дискантом, выкрикнул стихотворение. Стоял он под елкой: маленький, куда-то рвущийся, похожий на взъерошенного воробышку, и декламировал Маяковского, — а я сидел гордый оттого, что мне он доверил свое намерение, что я знал, какое стихотворение он будет читать. На память от Димы мне осталась его фотография: он стоит под Рождественской елкой, под самыми игрушками, а на обороте подпись: «Карлику-великану Славе от великана-карлика Димы, будь всегда маленьким ребенком, жизнерадостным и никогда».

не унывай». Надпись напоминает мне о смешном эпизоде из нашей дружбы: третий этаж учебного корпуса, никого нет, мы одни. «Давай, — говорит, — я сяду к тебе, Славка, на закорки и посмотрим, сколько шагов ты меня пронесешь. А потом я тебя». Забрался на меня, и я его понес. Настала его очередь меня везти. Забрался я ему на спину, ноги у меня волочатся по полу, потому что я выше его чуть ли не наполовину. Поднатужился он и везет... вдруг с лестницы показывается инспектор, милейший и всеми любимый архимандрит Леонид (Поляков), — увидел нас и изрек, покачивая головой: «Старый осел молодого везет». Дима очень смутился, он был старше меня, да и я не знал, куда деваться, в глазах отца Леонида мелькнули веселые искорки, и он удалился. Все обошлось.

Смех и грех — он же сейчас писатель, признанный духовник и проповедник, многими любим, а в те годы я на нем верхом по коридору ехал... И он меня в то время действительно «вывез» к духовному сану, помог мне определиться на пути к пастырству, есть в этом и его доля. Он к тому же часто проверял у меня сочинения и делал необходимую правку. Помню, я писал сочинение «Категорический императив Иммануила Канта как основа нравственности» и везде написал «категарический», несмотря на что получил четыре с плюсом и похвалу от отца Ректора.

Когда меня вызвали в военкомат, Дима мне сказал: «Будь осторожен в красном здании, куда тебя вызывают, могут завербовать в стукачи». Я пошел и все старался помнить его слова, чтобы не попасть на какую-нибудь удочку, но все обошлось благополучно.

Был у меня в Семинарии и еще один друг — Глеб Якунин. Тогда это имя никому ничего не говорило. Помню коридор в учебном корпусе, а по нему проходит молодой человек среднего роста с огненно-красной шевелюрой под «политический» зачес, и кто-то мне говорит: «Глеб Якунин, окончил биологический...» В то время люди с высшим образованием вызывали восхищение. По прошествии какого-то времени слышу: «Отчислен за несоответствие духу школы». Потом я узнал, в чем выразилось это несоответствие. КГБ время от времени просматривало библиотечные фонды академической библиотеки и что-нибудь изымало оттуда, например, книги Бердяева, Булгакова, Ильина. На карточке Глеба Якунина числилась «Философия свободы» Бердяева. Его позвал библиотекарь и попросил вернуть книгу. Глеб догадался, — «кому» вернуть, и сказал, что он книгу потерял и оплатит ее стоимость. «Там» тоже поняли, что это за «потерял», и академическое начальство отчислило Глеба из семинарии за несоответствие духу школы. Вот такой в нашей школе был «дух» — советский, коммунистический.

Инспектором в то время в Семинарии был архимандрит Леонид (Поляков), бывший майор медицинской службы, человек добрый, духовный и с хорошим чувством юмора. Он преподавал нам Гомилетику, науку о красноречии, проповедничестве и всех нас называл отцами: отец Виктор Волков, отец Николай Радул, отец

Вячеслав Винников... И правда, мы все стали потом отцами. Помню, однажды он вынужден был «поздравлять» нас с годовщиной «великой октябрьской социалистической революции». Ходит между столами и отдельно, четко произносит: «Великой», затем помолчит: «Октябрьской». Я гляжу на него во все глаза и вижу в его лице совсем другое: глаза его смеялись и выдавали его с головой, в них не было никакой «великой», там была горькая насмешка, голос и интонация звучали полной противоположностью его словам. Мало кто из ребят понял отца Леонида, только Дима Дудко хитро шурился и улыбался глазами, он-то на себе испытал «величие» революции, и кому как не ему было понять «поздравительную» речь инспектора. Я потом маме пытался в лицах пересказать речь инспектора, а она смеялась и радовалась, что в Семинарии есть такие настоящие, глубоко верующие преподаватели.

Несколько раз в месяц нам показывали кино. В класс входил солидный Анатолий Петрович Горбачев и изрекал: «Фильм итальянский: «Нет мира под оливами», все должны спуститься в кинозал. Приду — проверю». И степенно уходил.

Смешно и грустно было смотреть в те минуты на нашего иеромонаха Антония (Вакарика), иеродиакона Назария (Максина) и послушника Ивана Дежко, да и остальным было несладко. Я не могу сказать, что в кино не ходил... Ходил даже и в театр, но по пути в кинозал старался свернуть куда-нибудь в сторону. Нехорошо было на душе оттого, что в Лавре у Преподобного показывают и смотрят кино. Не всегда удавалось избежать этого зрелища. В зале сидели вместе с преподавателями. Отец Назарий (Максин) сидел с низко опущенной головой и что-то шептал в свою длинную бороду. На него было жалко смотреть: в Лавру он приехал из монастыря, и вот на тебе: вместо молитвы сиди и смотри «Нет мира под оливами» или «Тахар и Зухра», где влюбляются, ревнуют и дерутся. Некоторые из зала тихонько убегали и скрывались где-то в спальнях, в коридорах, но преподаватели выдерживали до конца. Среди них были люди духовные и светские. Особенно трудно приходилось монашествующим: сидят, томятся в длинных рясах и клобуках. Ректор отец Константин Ружицкий, правда, кино смотрел с удовольствием. Чей это был указ? Сверху ли получали установку для обязательного просмотра или сами хотели показать миру, что ничто человеческое нам не чуждо? Так до сегодняшнего дня не знаю, для чего над нами проводили такие эксперименты...

Андрей Вознесенский писал о монахах: «Уткнувши носы сизые и подоткнувши рясы, // Кто смотрит телевизоры, кто просто точит лясы». Кино нас действительно заставляли смотреть, но телевизоров в кельях не было. Когда после Пимена (будущего Патриарха) заместником Лавры стал наш одноклассник Архимандрит Платон (Лобанков), то монахи увидели над его кельей телевизионную антенну. Трое из них под покровом темноты забралась наверх и свернули антенне шею. Наместник дознался, кто это сделал, и всех троих из Лавры выгнал.

* * *

По выходным дням и праздникам я мог уезжать из Семинарии домой, для чего нужно было подавать прошение на имя инспектора и указывать причину отъезда. Я как-то подошел к отцу Леониду в коридоре с прошением:

- Подпишите.
- Что тебе подписать?
- Прощение о поездке домой.
- А ты что, забыл, где ты учишься, в закрытом учебном заведении, и я тебе ничего подписывать не буду.
- Подпишите, мне так нужно.

И так я за ним шел длинными семинарскими коридорами, поднимался по этажам, его кто-то останавливал, я стоял и ждал, и все канючил: «Отпустите...» Подошел к дверям его кабинета, он достает ключ, оглядывается:

— А ты что здесь, чего тебе нужно?

Я его вначале не понял, думаю, как чего, целых полчаса за ним иду и прошу, а он как будто только что меня увидел — «Чего тебе нужно?»

- Да вот прощение.
- Ну так что?
- Вы не подписываете.
- Я?
- Ну, конечно, вы.

— Да ты что, ну-ка давай его сюда, становись спиной.

Положил прошение мне на спину и подписал.

— Складывай руки для благословения.

Я сложил, он кладет мне на ладони свою благословляющую руку, и я чувствую, что у меня в сложенных ладонях что-то остается, а он поворачивается и уходит в свой кабинет. Смотрю: тридцать рублей! В то время это были большие деньги: я стипендию получал 13 рублей, а мама уборщицей в Хамовнических казармах работала за 33 рубля в месяц.

Я переписывался с владыкой Леонидом до конца его жизни. Умер он Митрополитом Рижским и Латвийским, и пока я живу — вечный ему от меня поклон и молитва!

В Семинарии мне особенно запомнились вечерние молитвы. Все, словно ручейки, стекаются в полутемный академический храм, на амвоне — батюшка из учащихся, мы встаем на привычные места, в конце храма у стенок — преподаватели. Если приезжал Патриарх, Алексей (Симанский), то назначали очень хорошего чтеца, чаще всего Владимира Рожкова, будущего настоятеля Николо-Кузнецкого храма «Утоли моя печали». Каждый вечер кто-нибудь из слушателей Семинарии или Академии произносил проповедь, обычно очень волнующая. Очень хорошо было молиться, тихо и благодатно... Потом тихонько расходились по спальням.

У меня в Семинарии было послушание — прислуживать за богослужением. За это мне даже доплачивали. Мама часто приезжала на службы, и в будни и в праздники. В храме я просто ног под собой не чувал от счастья: в семинарском кителе, в стихаре, хожу с тарелкой, выхожу со свечей или стою пою в «десятке» (певческой группе), а сам не слышу, что пою, просто «дую» куда попало, а регент ворчит: «Перестань, лучше помол-

чи». В хоре я всегда смущался, не знал, куда себя деть от стыда, что не могу петь в тон, а петь очень хотелось.

Как-то, будучи в Москве у мамы, я зашел помолиться в Новодевичий монастырь и увидел там дьякона Василия Моисеева из Семинарии, который тут же пригласил меня в алтарь и познакомил с настоятелем отцом Николаем Никольским. Так я стал по воскресеньям и праздникам прислуживать в Успенском соборе монастыря, где служил епископ Пимен (Извеков), будущий Патриарх. Я у него стоял с посохом, а он очень сердился, если у него не вовремя подхватывали посох, можно было и нагоняй получить.

* * *

1957 год. В Москве проводится Всемирный фестиваль молодежи. Задолго до фестиваля ректор, инспектор, преподаватели и воспитатели стали собирать нас в зале и инструктировать, как вести себя во время встречи с христианской молодежью Запада, как отвечать на вопросы о положении Церкви, верующих. Советовали по возможности вовсе избегать общения, а если все-таки придется отвечать на вопросы, то говорить, что Церковь свободна, никаких гонений против христиан не было и нет, и так далее. Во время такого «натаскивания» студенты как-то не выдержали и в ответ на очередную ложь застучали ногами, засвистели и заулюлюкали. Дима Дудко что-то кричал, а я сидел рядом и старался от него не отставать. Встал бледный, с трясущимися губами ректор отец Константин Ружицкий и дрожащим голосом произнес: «Вы понимаете, чем это может кончиться, вы понимаете, что вы делаете?» Наступила гробовая тишина, вечер «натаскивания» продолжался. Такой открытый протест в Семинарии я видел впервые. Слава Богу, никого не отчислили.

В назначенный день приехали семь автобусов с иностранцами. Академическое начальство наставлял митрополит Николай (Ярушевич). В академическом саду были поставлены столики, на которых стояли бутылки с водой, лежали бутерброды, булочки, яблоки. У каждого столика стоял учащийся, которого, видимо, специально поставили, чтобы угощать гостей фруктовой водой и ложью. Меня остановили двое у Успенского Собора: «Ду ю спик англиш, шпрехен зи дойч?» Я им ответил, что я не «шпрехаю», и они отошли. Всех гостей собрали в Трапезном храме, и перед ними выступали отец Ректор и наместник монастыря архимандрит Пимен. Мы с Володи Диваковым стояли у дверей храма и слышали, как один из гостей сказал другому: «Красная пропаганда, что там слушать».

Бывали мы в те дни и в столице. А там в это время все бурлило и ликовало: участников фестиваля возили в открытых грузовиках по улицам, они протягивали нам руки и что-то радостно кричали. Я стоял в толпе на Крымском мосту и смотрел им вслед. Мост был весь облеплен людьми, некоторые забирались наверх и свисали оттуда, как гирлянды. Москвичи наконец могли посмотреть на иностранцев. Маме особенно понравились негры с их белозубыми улыбками.

* * *

В то время, в конце 50-х, начались отпадения от веры довольно многих семинаристов, священников: среди них Алексей Чертков, Павел Дарманский, Александр

Осипов, Евграф Дулуман. На каждом этаже Академии стояли мусорные ящики, и в них можно было видеть разорванные или целые пятикопеечные брошюры отрекшихся от Христа. Ничего серьезного они не предъявили в своих писульках. Да и что они могли предъявить верующему сердцу, откликнувшемуся на зов Спасителя и пришедшему учиться в Духовную школу? Ведь они-то откликнулись не на зов Спасителя Христа, а на зов Антихриста и получили по заслугам. Разве иуды были когда-либо почитаемы в народе? Печально и больно было только оттого, что они своим отречением могли смутить кого-либо из верующих. Конечно, это делалось под давлением атеистической власти. Видно, по комсомольским путевкам они пришли в Семинарию или какими-либо другими путями, одному Антихристу ведомыми. По свидетельству М.В.Шкаровского, таких отступников было около двухсот. Среди них священник П.Дарманский, которому отец Сергей Желудков написал открытое письмо со словами: «Можно потерять веру, иногда это бывает нужно по ходу нашего духовного развития, но никогда, никогда не станет человек оплевывать и публично поносить то, что действительно было его святыней. А Вы это сделали (...) Черта заведомой безнаказанности в Вашей ругани против безмолвствующей Церкви была особенно отвратительна».

Один из отрекшихся священников Алексей Чертков пошел работать в Планетарий. Как-то он написал в местном заявлении с просьбой оказать ему материальную помощь. На заседании месткома решили выплатить ему... тридцать рублей — ровно столько, сколько получил Иуда за предательство Христа.

Ходило по рукам анонимное стихотворение «Новый Иуда», направленное против другого отступника — бывшего преподавателя Саратовской Семинарии Е.Дулумана:

Первый Иуда, предавший Христа,
Чувствовал — совесть его нечиста.
Мучился точно в кипящем котле
И успокоился только в петле.

У Дулумана иная сноровка:
Совести нет, не нужна и веревка.
Был бы лишь туго набитый карман...
Умер духовно Евграф Дулуман.

Благочинным Академического храма был священник Константин Швец, плотный кругленький батюшка, к которому я часто подходил под благословение. Как-то после окончания Семинарии я подошел в Москве к стенду с «Комсомольской правдой» и увидел большую статью за его подписью «Почему я порвал с религией». Запомнились строки: «Все причащаются из одной чаши, могут заразиться». Прочитал и подумал: какой у тебя всегда был упитанный, цветущий вид после многих лет причащения, а, будучи дьяконом, ты не только причащался, но и потреблял оставшиеся в Чаше святые Дары. И Господь дал тебе отменное здоровье, никакая зараза

Священник Вячеслав Винников по окончании
Московской Духовной Семинарии

к тебе не приставала, а теперь уж ты точно заразился... неверием, и сколько с этой заразой проживешь — неизвестно.

Отрекся от Бога и профессор Петербургской (тогда, прости Господи, Ленинградской) Академии Осипов: он и по телевидению выступил, и в газетах, и книжонки выпускал. Мы пошли за разъяснением к преподавателю сектоведения, профессору отцу Иоанну Козлову, который знал Осипова по Академии. Он нам рассказал, что до войны Осипов жил в Эстонии и пописывал антисоветские статейки. Позднее во время кампании по отречению от Бога его вызвали в органы и напомнили о «темном» прошлом, пригрозив, что если он публично не отречется от Бога, то его посадят в тюрьму за антисоветскую деятельность. Он сделал свой выбор. Но безбожники здесь просчитались: мало кто из атеистов с уважением относился к отступникам. «Неверующие, — писал отец Сергей Желудков, — осудят эту пропаганду подлости, с которой вы выступили от имени атеизма».

Мне дороги те, кто сегодня учится в Семинарии, и я хочу, чтобы они помнили, что по этим коридорам ходили мальчишки, прошедшие через огонь и воду атеизма, выстоявшие, победившие в неравной борьбе и ставшие священниками. Нужно, чтобы ниточка из тех времен тянулась, не прерывалась и трогала сердце тех, кто сегодня пришел в Лавру. Связь должна быть, — мы ведь «малое стадо», и с нами Христос!